

9 МАЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Опять гляжу в расцветенное небо:
парады мая как Парад планет.
Так вызвездило! Разве Бога нет,
раз Божье имя лечит как плацебо?
И в этом тоже – праздник и победа!

Фонтан огня фонтаном бьёт в зенит,
и радужных ракет густое семя
рождает в небе тех, кто *здесь* убит,
как Господа, что на земле убит,
им не страшно уже пустое время
и Он со всеми ними говорит.

Какая ночь! Опять светло, как днём.
Нет атеистов в поле под огнём,
под треском осветительной ракеты.
Все снова живы, все воскресли в Нём,
они одни достойны быть – вдвоём
с Тем, кто открылся ангелам и детям.
Какая ночь! Повсюду жизнь, как днём!

ВОЕНГОРОДОК

Ах, солдатка, сестра-белошвейка!
Муж твой – бравый солдат, вроде Швейка.
Над кроватью висит распашонка.
Мир в миру, а готовься к войне.
Дай им меч, призывающий к бойне –
мужу с сыном, дай мяч и довольно.
Пусть повозятся в сквере у клёнов,
пусть себе привыкают к земле.

Дочь глазёнками милыми шарит –
над кроваткой – матерчатый шарик.
Стиркой утренней Шарик ошпарен
и визжит, яко ядерный взрыв.
Наблюдает шпионистый спутник,
как супружницу любит супружник,
как идут, приобнявшись, по лужам
по грибы...

ICH STERBE

Слышится отдаленный звук, точно с неба,
звук лопнувшей струны...

А.П. Чехов. «Вишнёвый сад»

За долгую старость, где старше любая болезнь,
где голос слепого дождя – ниже, глуше – о вышнем,
на каждый сердечный припадок, на каждую резь
найдутся, предвижу,
как в чеховской пьесе у Фирса – морока и мгла,
топор и пила

заштатной гримёрки, где слышен сценический хор,
где сам ты – пьеро, арлекин, театральная тряпка
с актёрами пьёшь и живёшь до сухого остатка.
Вишнёвый развод под кушеткой затёр полотёр
на вечере после большой антрепризы, где ты,
удачу за хвост ухвативши, схватился за сердце.
Сядишься у зеркала. Силишься переодеться
в мирское, да душно и мерзостно пахнут цветы.
Оркестр похорон. Но высокая скрипка слышна
поверх духовых – до мажор, и не рвётся струна...
что брошенной марионетке, как нить, не видна.
Душа – тот же Фирс, но в Вишнёвом Саду не одна.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР

– В Москву, в Москву, в Москву!

Печка-голландка, да сценка из «малых голландцев»
на пустыре под луною. И нет фонаря
над головою; и вычитал сыну из святцев
доброе имя, о чём, в пустоту говоря,
можно сурово поститься, навеки проститься
с малою родиной. Перебираясь в Москву,
спрятать за пазуху вроде скупого гостинца
здешних небес, прогоревших углей синева.

Там, над Волхонкой, опять синева под глазами
у голенастого сброда. Неглинка в трубе
так же грязна, как светло в коммунальной избе.
Та же там жизнь: с королями, ферзями, тузами –
только-то!

Наша эпоха – картинка де Хоха –
вылетишь в голубоватую дымку в кирпичной трубе,
зная, что ел у господ. Только ели в Кремле
в спину колышутся сплетней. Но знаешь, неплохо,
словно бы в славе художничьей, словно в тепле,
слушать во *внутреннем двореке* уличный хохот.

РАСШИРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

Морфей

Без снотворных давно не уснуть. Но Морфин набирает размах,
что большой нетопырь, зачеркнувший собой полнолуние.
...Просыпаешься в утро. И что-то на прежних местах.
Всё не так! Но надежда на *прочность* хранит от безумия.

Ординарнейший день повторяется в новом витке
галактической были. И пыли. И, если получится,
растворится снотворной таблеткой луна в кипятке
под диффузию крови, пока ты бессмертию учишься
и дифракцией Света Фаворского мучишься.

обнажение

Всё, что снимала в ночи, что с тебя я снимал –
краем сознания:

мы оставались, *как есть*.

Позже, один, я за плечи – себя – обнимал,
чуя фантомную боль, на кровати присев
с самого краю.

И ныне, и присно – не мне,
с полным сознанием права тебя раздевать,
жить,
у *болезни болезней* покровы срывать
слёзные, будто бы с лука, в разлуке скрывать
то, что не плачется голому духу вовне
близости –
в муке мычащей,
в сухом огне.

В комнате трижды пустой
при бесполой луне.

зрелость

Сегодня восхитительна Луна, как в детстве, перевёрнутая зреньем!
...Я Дантом опускаюсь на колени: мне даль из-за трёх сосен не видна.
Вся эта жизнь – какой восторг щенячий! и старость, прикрепленная аттачем.

Высокий скит, и лес моей вины! – какие звери: волк, или куница
назад теперь неволят обернуться? каких чертей, кентавров табуны?
Наполовину жизнь узнав – из книг, я возвращаюсь в детство, как старик.

Я возвращаюсь памятью моей в тоску Тосканы? – к частной киноплёнке:
до вузовских дверей, в один из дней продлёнки, в крап подоткнутой пелёнки –
через друзей, нехлебосольный мой железный век с бесслёзной железой.

И в зрении возвратном не отнять, как от груди голодного младенца
не отнимает мать, всё то, что знать дано, что наполняло тайной сердце:
девчоночий в песочнице «*секрет*», и то, что Солнце и Парад планет
ведёт – любовь ребёнка, стайку птичью – поднявшуюся ввысь, как Беатриче.

ИРА И НИЦШЕ

Поскольку жить по правде так непросто,
взаправду – жить, и кто бы подсказал...? –
на семинарах личностного роста
она встаёт и покидает зал.

Оставив философию для бедных
пустым вралям, она идёт сама,
и от вопросов горестных, последних
уже не раз «совсем сошла с ума».

Пускай их всех, учителей успеха!
Позвольте в горе подойти к кресту
и по нему пройти, как по мосту,
дух тяжести пугая горным эхом.

И в час бессмыслиц, князя-интернета,
где в *дальнего* влюбляется любой,
любить того, кто пал перед тобой,
она вольна. Не променяет это
на перспективу хапать и менять,
торчать и обладать. Сестричка братства,
она вольна и мыслить, и страдать,
и умирать, и видоизменяться.
И с ощущеньем чуда просыпаться.